

В доме московской губернаторши В. Ф. Перфильевой поэт Яков Петрович Полонский увидел портрет, который сразу же привлек его внимание. Судя по костюму, позе и даже выражению лица женщины, изображенной на нем, писался он в XVIII веке.

Но краски не потускнели, не выгорели, завораживали переливами мягких, нежных тонов. Такой же нежной, словно тающей, была и красота женщины с задумчивым взглядом. В этом взгляде были и печаль, и тайное сожаление, и робкая надежда, и мечтательная отрешенность.

Перфильева рассказала Якову Петровичу, что на портрете кисти Боровиковского изображена ее родственница Мария Ивановна Лопухина, в девичестве Толстая, родная сестра того самого Толстого-Американца, которого знал Пушкин и которому Грибоедов посвятил несколько строчек своей комедии «Горе от ума». В замужестве она была несчастна и умерла в молодости от чахотки...

И как-то сами собой у Полонского сложились строки:

*Она давно прошла, и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Страданье — тень любви,
и мысли — тень печали.
Но красоту ее Боровиковский спас.
Так часть души ее от нас
не улетела. И будет этот взгляд и эта
прелесть тела.
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать,
прощать, молчать.*

Владимир Лукич Боровиковский родился в 1757 году на Украине, в провинциальном Миргороде. Отец его, Лука Боровик, отличался от прочих миргородских обывателей тем, что занимался иконописью и приучал к этому ремеслу своих детей. Кто знает, может быть, так же прожил бы жизнь и его сын Владимир, если бы не случай.

В 1787 году, во время путешествия Екатерины II в Крым, по дороге ее следования воздвигались путевые дворцы. Один из них поручили расписать Владимиру Боровиковскому. Сама ли императрица заметила его роспись, или кто-то из приближенных обратил ее внимание на талант безвестного художника — мы точно не знаем. Однако известно, что по ее велению Боровиковский был направлен в Петербург, где начал работать под руководством художника [Левицкого](#).

Поселился он в доме поэта и архитектора Н. А. Львова, который проявил к нему участие. В доме Львова собирались поэты и писатели — Капнист, Дмитриев, Карамзин... В своих сатирах и шуточных посланиях они высмеивали все напыщенное и ходульное, почитая во всем естественность — и в поэтическом языке, близком к разговорному, и в образе жизни. Способность к размышлению, созерцанию, меланхолии провозглашалась отличительной чертой людей избранных — с возвышенной душой и чувствительным сердцем.

Боровиковский был, по-видимому, человеком высокой художественной чуткости. Он проникся этими новыми веяниями, выражая их в живописи. Не случайно, говоря о русском сентиментализме, исследователи обычно рядом с Карамзиным ставят имя Боровиковского.

Сентиментализм явился своего рода реакцией на официальное академическое искусство, идеалом которого были холодный рационализм, помпезность, отвлеченность, условность. Не случайно он обратился к чувствам человека: его занимали их оттенки, изменчивость, сложность. И вместе с тем сентиментализму, более чем какому-либо другому течению, была свойственна идеализация жизни. Потому лишь немногие его создания способны сегодня заинтересовать, по-настоящему взволновать нас, как волнуют и радуют полотна Боровиковского.

Уже в 1790 году, через три года после приезда в Петербург, он пишет портрет О. К. Филипповой (ныне этот портрет находится в Русском музее), жены своего друга-архитектора, портрет, по манере исполнения не похожий ни на одну из работ Рокотова или Левицкого, а также иностранных художников, работавших в России.

Что заставило Боровиковского изобразить моделью молодую женщину с милым, усталым лицом и неубранными волосами, в белой свободной одежде, похожей на ночную блузу? Каждому, кто заказывает портрет, трудно отказаться от желания предстать перед потомками достойно — в лучшем наряде, с фамильными драгоценностями, с прической, которой отдано немало времени и труда. А здесь простота граничит с небрежностью... Портрет Филипповой писался не на заказ, а по желанию самого художника. Такой он видел эту женщину в домашней обстановке, такой и захотел изобразить. Она представлялась ему существом чистым, добрым, близким и недоступным, как мечта.

Испытывал ли художник какое-либо чувство к Филипповой, и какой характер оно носило, неизвестно. Никаких упоминаний на этот счет в его переписке не найти. Всю свою жизнь Боровиковский прожил замкнутой, сосредоточенной, аскетической, одинокой жизнью. Не завел ни жены, ни детей. Но отныне и почти на целое десятилетие все женщины, которых он пишет (исключения единичны), неуловимо похожи на Филиппову — тот же миндалевидный разрез глаз, короткий нос, припухлые губы и то же впечатление чистоты, кротости и недоступности.

Талант Боровиковского был талантом лирическим. Ему важно было запечатлеть не только характер, душевный строй позирующих ему людей, но и свое впечатление от встреч с ними. Поэтому его настоящую биографию, его настоящую жизнь мы узнаем из его произведений.

В 1797 году он получает заказ на портрет Марии Ивановны Лопухиной, тогда еще незамужней, восемнадцатилетней девицы, дочери отставного генерала И. А. Толстого. Мы не знаем, как писал он этот портрет, сколько времени и при каких условиях, остались ли довольны им заказчики. Но мы знаем, что все то время, пока художник его создавал, он жил жизнью напряженной, испытывая величайший прилив сил и наслаждение, согретое истинным увлечением. «Я занят трудами моими, — пишет он. — Мне потерять час в моих обязанностях производит расстройку»: Стоит оглядеть стену одного из залов Третьяковской галереи с развешанными по ней в несколько рядов портретами Боровиковского, и взгляд невольно отыскивает именно этот портрет. Он притягивает сиянием красок, каким-то особым светом, который излучает это полотно.

Кажется, те же, что и на других портретах, приглушенные полутона: пепельный, голубой, сиреневый. Но нет, они совсем иные. Такая светлая зелень бывает только ранней весной, когда молодая листва высвечивается солнцем. Такие оттенки голубого (а их на полотне более восьми) можно подглядеть только в ту переходную от зимы пору, когда небо представляется необъятно высоким и близким одновременно. Нежные краски платка, накинутого на руну, кажется, источают аромат сирени... И сама юная девушка представлялась художнику как бы олицетворением весны. Трогательная голубая ямка на шее, по-детски припухлый рот и взгляд «бархатных» печальных глаз.

Эта грусть передается и нам, стоит повнимательнее взглянуть в портрет Лопухиной. Художник будто предчувствовал ее печальную судьбу и, предчувствуя это, сам прощался с весной и собственной любовью.

Действительно, в ее красоте двойное очарование. То она манит нас близостью счастья, желанием любви, готовностью и ней. То, отступив от полотна, рассматривая его под другим углом, мы обращаем внимание на созерцательно-задумчивую позу Лопухиной, ее безвольно опущенные руки, размытый контур ее силуэта, как бы растворяющего фигуру в дымне фона. И она уже представляется нам самой мечтой — близкой и недоступной.

Художник и стремился к этому сложному впечатлению, он добивался его игрой полутонов, переливами цвета. Ни одному другому мастеру не удалось повторить эту изумительную гамму красок. Они — тайна Боровиковского. Не до конца разгаданной, а потому такой манящей остается и красота самой Лопухиной.

Многое на этом полотне принадлежит времени. Историки воссоздают по нему типичный

облик русской женщины конца XVIII века. Не одно поколение людей Лопухина учит «любить, страдать, прощать, молчать». И сколько еще будет учить...

*Л. Осипова,
"Работница", 1974 г.*